

В. И. ТЮПА

Художественное наследие Чехова и современная теория коммуникации

Чехов сделал проблематику общения, взаимопонимания, согласия и разногласия людей едва ли не центральной проблематикой своего творчества. Во множестве его произведений так или иначе вскрывается феномен «глухонемого слова»*, которое служит разобщению людей, а не их единению. Художественное наследие Чехова — своего рода «энциклопедия» обширного многообразия коммуникативных ситуаций, речевых жанров, коммуникативных неудач и «провалов коммуникации»**.

А. Д. Степанов впечатляюще продемонстрировал это в своем фундаментальном исследовании «Проблемы коммуникации у Чехова», отмечая, в частности, «фатальность неудач, которые преследуют в его текстах передачу информации»***. Однако коммуникативные успехи тоже встречаются в произведениях писателя, хотя на них реже обращают внимание. Так, доктор Благово из «Моей жизни» «был простосердечен и умел сообщить свое оживление другим. Моя сестра, подумав минуту, рассмеялась и повеселела вдруг».

В раннем рассказе «Дома» прокурор Быковский, «подделываясь под детский язык», стал объяснять своему семилетнему сыну, «что значит собственность». Но на лице мальчика «застыло такое выражение, как будто он прислушивался или же следил за развитием собственных мыслей», и героя постигает типовая коммуникативная неудача:

---

* Характерный образец чеховского «глухонемого» слова: «— Скажите мне что-нибудь убедительное. Хоть одно слово скажите. — Одно слово? Извольте: тарарабумбия» («Володя большой и Володя маленький»). В «Бабьем царстве» значимо присутствие глухонемой девицы; у вдовы Лукерьи из «Студента» выражение было странное, как у глухонемой, и т. п.

** См.: Щеглов Ю. К. Молодой человек в дряхлеющем мире (Чехов: «Ионыч») // А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. Мир автора и структура текста. Tenaflly, 1986.

*** Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. С. 327.

«У него свое течение мыслей! — думал прокурор. — У него в голове свой мирок, и он по-своему знает, что важно и не важно. Чтобы овладеть его вниманием и сознанием, недостаточно подтасовываться под его язык, но нужно также уметь и мыслить на его манер».

Однако далее герою неожиданно удается достичь своей коммуникативной цели (убедить ребенка не курить) благодаря взаимной любви, связывающей персонажей. Дискурсной манифестацией любви в их отношениях является рассказывание перед сном очередной сказки, когда прокурор «громоздил всякий невинный вздор <...> картины, лица и положения брались наудачу, экспромтом, а фабула и мораль вытекали как-то сами собой, помимо воли рассказчика». В данном случае именно это и оказывается невольным «умением мыслить на манер» адресата.

А. Д. Степанов подобные достижения чеховских героев убежденно недооценивает: «Чеховское понимание коммуникации остается по сути скептическим даже в этих рассказах (“Студент”, “На святках”. — В. Т.), неизменно оставляющих у читателей светлое чувство»*. Но каким же образом светлое чувство рождается из провала и скепсиса?

На мой взгляд, само художественное письмо Чехова реализовало принципиально инновационную для своего времени коммуникативную стратегию, учет которой обогащает теорию коммуникации. Напомню общеизвестные слова Толстого: «Чехов создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы писания»; его «нельзя уже сравнивать с прежними русскими писателями — с Тургеневым, с Достоевским или со мною»**. Слово «формы» здесь не имеет терминологической определенности. Сюжет, композиция, речевой строй и т. п. у Чехова, как у любого большого писателя, весьма своеобразны, но не настолько, чтобы нельзя было их сравнивать. Толстой, впервые провозгласивший искусство формой духовного общения людей, уловил, я полагаю, именно коммуникативное новаторство Чехова.

В такого рода новаторстве таился богатый эвристический потенциал для теории коммуникации, сложившейся в XX столетии, а в наше время энергично развивающейся. Теперь это целый куст металингвистических дисциплин, исследовательских направлений: общая теория коммуникации, коммуникативистика (включая исследования по межкультурной коммуникации), неориторика, дискурсоведение и дискурсный анализ, нарратология, теория перформативности речевых актов и т. п.

В области современной теории коммуникации можно выделить две доминирующие тенденции.

---

* Там же. С. 335.

** *Сергеенко П. А.* Толстой и его современники. М., 1911. С. 228.

Первая («технологическая») состоит в трактовке коммуникации как *процесса* отправления и получения *информации*. Она восходит к прославленной модели Романа Якобсона, но часто сводится к упрощенной схеме: отправитель — информация — получатель. Такова лингвистическая прагматика, которая, по справедливому замечанию А. Д. Степанова, «построена на остиновском понятии “успешного”, то есть результативного, общения»*.

Вторая («гуманитарная») тенденция ведет к пониманию коммуникации как *события*, а именно: события интерактивного *взаимодействия* сознаний**. Через Бахтина эта трактовка восходит к «риторическому треугольнику» Аристотеля (позднейшей модификацией которого выступил семиотический треугольник Фреге). Отец классической риторики, собственно, и явившейся первоначальной версией общей теории коммуникации, выделял в составе коммуникативного события произнесения речи «самого оратора», «предмет, о котором он говорит», и «лицо, к которому он обращается»***.

В русле вековой риторической традиции причастный «кругу Бахтина» В. Н. Волошинов в 1920-е годы писал: «Слово есть выражение и продукт социального взаимодействия трех: говорящего (автора), слушающего (читателя) и того, о ком (или о чем) говорят (героя)»****. Сам Бахтин вернулся к данной проблематике в 1950-е годы в своих общеизвестных теперь работах по металингвистике. При этом он благополучно обходился без понятия «информация», хотя мы в наше время без него не обойдемся. Однако в составе коммуникативного события информация сопряжена с двумя другими неустраняемыми моментами общения: во-первых, с *интерпретацией*, а во-вторых, с коммуникативной *интенцией* — установкой на определенного рода характер и конечный результат общения. Ибо «всякая коммуникация на что-то отвечает и на какой-то ответ рассчитывает»*****.

Базовыми коммуникативными интенциями служат установки на хоровое единогласие, или на монологическое согласие убеждения, на диа-

* Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. С. 334.

** По Бахтину, это «сложное событие встречи и взаимодействия с чужим словом» (Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 349); «за этим контактом контакт личностей» (Там же. С. 364). Помимо новаторских работ Бахтина «Проблема речевых жанров» и «Проблема текста» см. классические в этом отношении исследования Тойна ван Дейка (*Dijk van Teun A. The Analysis of News as Discourse // News Analysis. Case Studies of International and National News in the Press. Hillsdale, New Jersey, 1988*).

*** Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978. С. 24.

**** Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 72.

***** Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 255.

логическое разногласие (спор) или диалогическое согласие. Последнее Бахтин мыслил как высшую форму коммуникативного взаимодействия сознаний; диалогическое согласие «по природе своей *свободно*», ибо «за ним всегда преодолеваемая даль и сближение (но не слияние)»*.

Иначе говоря, в основе коммуникативного акта обнаруживается своего рода «ядерная структура» тройственного IN: информация, интерпретация, интенция. Всякое высказывание (дискурс) — вне зависимости от того, осознают это коммуниканты или нет — не сводится к обмену информацией, но представляет собой стратегическое *позиционирование* своих участников (субъекта, объекта и адресата). Данная концепция была основательно разработана Мишелем Фуко. «Археология знания», «Порядок дискурса» и некоторые другие работы Фуко, более широко известные в мире, чем работы Бахтина, но сущностно близкие бахтинским, сыграли важную роль в становлении «гуманитарной» модели коммуникации.

В соответствии с этими новыми (для 1950–1960-х гг.) представлениями текст высказывания не сводится к транспортному средству для перемещения информации. Разворачивая теорию дискурса, Фуко видел свою задачу не в том, «чтобы трактовать дискурсы как совокупности знаков», как «использование знаков для обозначения вещей», но в том, чтобы рассматривать их «как практику, которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят»**, то есть несет в себе неустрашимый момент интерпретации сообщаемой информации. Несовместимость креативной и рецептивной интерпретаций одного и того же, естественно, порождает коммуникативную неудачу.

Напомню общеизвестные примеры из «Человека в футляре» и «Крыжовника». Историю Беликова слушатель интерпретирует, на взгляд Буркина, излишне радикально: «... — нет, больше жить так невозможно! — Ну, уж это вы из другой оперы, Иван Иванович...» На другой день собеседники «молчали, точно сердились друг на друга». Историю своего брата Иван Иванович также интерпретировал радикально («Счастья нет и не должно его быть» и т.д.), вследствие чего «не удовлетворил» слушателей и привел участников коммуникативной ситуации к разобщению: «Потом все трое сидели в креслах, в разных концах гостиной, и молчали».

По мысли Фуко, коммуникативное пространство — это «поле регулярности различных позиций субъективности»***, ибо «один и тот же

---

* Там же. С. 364.

** Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 50.

*** Там же. С. 56.

индивидуум всякий раз может занимать в ряду высказываний различные положения и играть роль различных субъектов»*. Базовый фактор дискурсивной практики текстопорождения — это «положение, которое может и должен занять индивидуум для того, чтобы быть субъектом»** данного высказывания. То же самое относительно адресатов, поскольку дискурсы «отсылают к различным статусам, местам и позициям, которые субъект может занимать или принимать, когда поддерживает дискурс»***. Однако в действительном акте сообщения определенной информации коммуникативные установки говорящего и слушающего могут радикально различаться, что и приводит к нереализуемости потенциально возможного коммуникативного события.

Постараюсь проиллюстрировать отвлеченные положения дискурсоведения, вчитываясь в один из наиболее популярных текстов Чехова. Композиционный и смысловой центр рассказа «Студент» составляет коммуникативное событие, в истолковании Вольфа Шмида безрезультатное****, тогда как, на мой взгляд, глубокое и результативное.

Сообщение информации о начале Христовых страданий и троекратном отречении Петра в данном случае поистине имеет нулевую значимость: эта информация в памяти слушательниц уже хранится. Иван Великопольский ее только активизирует: «Небось, была на двенадцати евангелиях? <...> Если помнишь <...> Потом, ты слышала...».

Зато будущий проповедник снабжает общеизвестную информацию собственной интерпретацией: «...а бедный Петр истомился душой, ослабел <...> изнеможенный, замученный тоской и тревогой, понимаешь ли, не выспавшийся <...> Он страстно, без памяти любил Иисуса, и теперь видел издали, как его били <...> И все работники, что находились около огня, должно быть, подозрительно и сурово поглядели на него...» Это интерпретация открыто личностного, субъективного характера: «Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания...» Но своей исповедальной интенцией говорящему удалось приобщить и слушательниц к аналогичной интерпретации евангельских событий: Василиса заплакала, поскольку и она оказалась «всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра». В этом приобщении к общему информативному полю высказывания и состоит коммуникативный успех (не будем забывать, что слово «коммуникация» происходит от латинского *communis* — «общий»).

---

* Там же. С. 94.

** Там же. С. 96.

*** Там же. С. 55.

**** См.: Шмид В. Проза как поэзия. СПб., 1998. С. 278–294.

Вследствие интерпретации, основанной, как осознает позднее студент, на непрерывности духовной связи между прошлым и настоящим, коммуникативная интенция говорящего обнаруживается в преодолении дистанции между коммуникантами (различного возраста, статуса, жизненного опыта), а также между ними и героем их коммуникации (Петром), в снятии границ между отдельными человеческими существованиями. В данном случае это не намеренное целеполагание, а непроизвольная установка Ивана на солидарную актуализацию общеизвестного. Установка эта вызвана не профессиональной осведомленностью будущего священника, но его собственным тягостным чувством потерянности во мраке и холоде бытия.

Результатом обоюдной реализации солидаритарной стратегии общения и является успешное коммуникативное событие. Оно состоит в том, что ни говорящий, ни слушающий, по мысли Бахтина, «не остаются каждый в своем собственном мире; напротив, они сходятся в новом, третьем мире, мире общения»*.

Тогда как в случае неудачной коммуникации, напротив, собеседники как раз «остаются каждый в своем собственном мире», и события общения как сопряжения, со-бытия общающихся сознаний не происходит. Так случается во многих произведениях Чехова. Например, в разговоре Нади с матерью из «Невесты»:

— Мама, выслушай меня! — проговорила Надя. — Умоляю тебя, вдумайся и пойми! Ты только пойми, до какой степени мелка и унижительна наша жизнь. У меня открылись глаза, я теперь все вижу. И что такое твой Андрей Андреич? Ведь он же неумен, мама! Господи боже мой! Пойми, мама, он глуп!

Нина Ивановна порывисто села.

— Ты и твоя бабка мучаете меня! — сказала она, вспыхнув. — Я жить хочу! жить! — повторила она и раза два ударила кулачком по груди. — Дайте же мне свободу! Я еще молода, я жить хочу, а вы из меня старуху сделали!..

Во множестве подобных случаев «диалога глухих» у Чехова имеет место отнесение говорящим своего высказывания не к общезначимому миру всеобщего бытия, а к индивидуально значимой, субъективной картине мира. Как формулирует Катя в «Скучной истории»: «Мы с вами поем из разных опер». (Буркин тоже прибегает к этому знаменательному фразеологизму.) Однако коммуникативные неудачи чеховских персонажей проистекают не только из эгоцентричной позиции субъекта.

---

* Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. С. 210.

«Гуманитарная» теория коммуникации уделяет особое внимание реципиенту как ключевому участнику коммуникативного события, призванному не просто «декодировать» информацию, но «поддерживать дискурс» (по слову Фуко), заняв уготованную ему позицию адресата. Дискурсоведение принадлежит постструктуралистскому повороту гуманитарного научного мышления. Структурализм стремился отделить текст от порождающего его сознания, что в принципе достижимо. Однако в отрыве от воспринимающего сознания текст теряет свою функциональность и перестает быть текстом. Можно сказать, что неориторическая теория дискурса (коммуникативного события) ассимилирует семиотическую теорию текста.

Ранняя чеховская новелла «Тоска» вся построена на потребности инициатора коммуникативного события в адресате, без которого дискурс не может состояться. Повествователь разворачивает перед нами не только коммуникативную неудачу Ионы, чьи клиенты отказываются «поддерживать дискурс», не только мнимую реализацию коммуникативного события (лошадь формально занимает позицию адресата, но как реципиент не способна осуществить возложенную на нее функцию), но и виртуальную модель коммуникативного успеха: «Нужно поговорить с толком, с расстановкой <...> Слушатель должен охать, вздыхать, причитывать...»

Взаимодействие встречающихся в акте общения сознаний происходит только в случае адекватного встречного движения со стороны реципиента. Между тем коммуникативная интенция воспринимающего может изначально носить деструктивный характер. Так, героиня рассказа «Супруга» «никогда никому не верила, и как бы благородны ни были намерения, она всегда подозревала в них мелкие или низменные побуждения и эгоистические цели».

Для реализации коммуникативного события необходимо, чтобы коммуникативная установка слушающего (читающего) коррелировала с интенцией говорящего (пишущего). Так и обстоит дело в «Студенте», хотя чаще у Чехова этого не происходит, и тогда, как отмечал В. Б. Катаев, «проповедь <...> либо бессильна, либо ведет к самым неожиданным для проповедующего последствиям»*.

В рассказе «На святках», как мне уже приходилось писать об этом**, коррелирование коммуникативных интенций отправителя и получателя письма (несущего практически нулевую информацию) обеспечивает парадоксальный коммуникативный успех встречи сознаний. В частности, «царица небесная» в причитаниях Ефимьи составляет сакральную

* Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации М., 1979. С. 34.

** См.: Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. М., 1989.

пару с «царем небесным» из начальной фразы письма и т.п. Решающим фактором коммуникативного «чуда» и в этом случае (как и в рассказе «Дома») оказывается фактор взаимной любви.

В «Невесте» ситуация намного сложнее. В течение длительного времени Саша безрезультатно проповедует, адресуя Наде одну и ту же информацию: «Надя слышала это и в прошлом году и, кажется, в позапрошлом и знала, что Саша иначе рассуждать не может, и это прежде сместило ее, теперь же почему-то ей стало досадно»; «Саша уже несколько лет подряд говорит всё одно и то же, как по писаному, и когда говорит, то кажется наивным и странным». Коммуникативная интенция отстраненности от хорошего, но «странного» Саши не позволяет героине расслышать столь важную для нее, как оказывается впоследствии, интерпретацию ее повседневного существования. Перемена рецептивной установки происходит после того, как Надя осознает свою собственную коммуникативную неудачу: она вдруг «почувствовала, что мать не понимает ее и не может понять. Почувствовала это первый раз в жизни, и ей даже страшно стало, захотелось спрятаться».

Согласно художественной логике рассказа именно коммуникативное одиночество (жених Нади, в частности, «был неразговорчив и любил скрипку, может быть, потому, что во время игры можно было молчать») подталкивает героиню к смене коммуникативной позиции. Она невольно начинает «поддерживать дискурс», обращенный к ней со стороны проповедующего Саши: «Это странный, наивный человек, думала Надя <...> но почему-то в его наивности, даже нелепости столько прекрасного, что едва она только вот подумала о том, не поехать ли ей учиться, как всё сердце, всю грудь обдало холодком, залило чувством радости, восторга». После разобщающего разговора с матерью многолетние усилия Саши неожиданно для него самого вдруг реализуются вследствие перемены коммуникативной интенции его слушательницы:

А она глядела на него не мигая, большими, влюбленными глазами, как очарованная, ожидая, что он тотчас же скажет ей что-нибудь значительное, безграничное по своей важности; он еще ничего не сказал ей, но уже ей казалось, что перед нею открывается нечто новое и широкое, чего она раньше не знала, и уже она смотрела на него, полная ожиданий, готовая на всё, хотя бы на смерть.

Как видим, Чехов исследовал не только коммуникативные провалы, но и коммуникативные триумфы, где решающая роль принадлежит отнюдь не информации и даже не ее интерпретации инициатором коммуникативного события, а коммуникативной интенции воспринимающего сознания.

При этом риторическое искусство говорящего в чеховском мире не ведет к коммуникативному успеху. О главной героине «Бабьего царства» сказано: «Ей нравилось, что она так хорошо говорит». Однако столь удачная, как ей представляется, речь Анны Акимовны совершенно игнорируется преследующим собственным корыстным интересом собеседником и произносится в коммуникативной пустоте. А Рашевич («В усадьбе») сам создает коммуникативную пустоту тем, что говорит, «наслаждаясь своими мыслями и звуками собственного голоса».

Художественное исследование Чеховым коммуникативных ситуаций, в которых событие подлинного общения (взаимного приобщения) потенциально возможно, но далеко не гарантировано, предваряет постсемиотический поворот коммуникативистики во второй половине XX столетия. Если классическая риторика Аристотеля концентрировала внимание на коммуникативном поведении субъекта речи, то «новая риторика» Х. Перельмана и других «неориториков» смещает эпицентр коммуникативного события в сферу адресата.

Но именно так и поступал в своей творческой практике Чехов. Общеизвестно его рассуждение о том, что автор своими рассказами о жизни людей не должен навязывать читателю готовые смыслы, а призван лишь «правильно ставить вопросы» перед адресатом художественного письма. Это не «скепсис по отношению к самой возможности существования адекватного адресата», как полагает А. Д. Степанов, не неверие в «возможность единения»*. «В отказе от миссии учительства» (В. Я. Лакшин)** мне видится не коммуникативное отчаяние писателя, а особая коммуникативная стратегия, аналогичная сократовской майевтике. Отсюда характерный эффект чеховского письма, будто автор «с каждым читателем ведет задушевный разговор наедине» (Витторио Страда)***.

Данный эффект достигается, рассуждая в категориях дискурсного анализа, существенным ослаблением фактора интерпретации, что компенсируется, однако, резким повышением коммуникативной интенциональности, суггестивностью нарративного письма. Не лишая читателя ментальной самостоятельности, чеховская поэтика (в частности, поэтика открытых финалов) формирует для него некоторую анфиладу вероятных смыслов, некоторый спектр допустимых инициативных прочтений, взывая к его коммуникативной, эстетической и нравственной компетентности.

---

* Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. С. 365, 364.

** Лакшин В. Я. О «символе веры» Чехова // Чеховиана. М., 1990. С. 11.

*** Страда В. Антон Чехов // История русской литературы. XX столетие. Серебряный век. М.: Прогресс, 1995. С. 49.

Так, рассказ «Архиерей» оставляет за читателем право (или, скорее, даже возлагает на него ответственность) самостоятельного осмысления и эстетического завершения созданной автором амбивалентной ситуации пасхальной смерти — ситуации, в равной степени пронизанной мотивами как тоскливого одиночества, так и всеобщей праздничности.

В противовес императивной интенции проповеди чеховское письмо актуализирует инспиративную интенцию солидарного искания истины — такой не объективной, а интересубъективной (собственно коммуникативной) истины, которая, словами Бахтина, «принципиально неместима в пределы одного сознания», которая «требует множественности сознаний», поскольку «рождается в точке соприкосновения разных сознаний»*.

Чехов неоднократно показывает в своих произведениях, что сообщение готовой информации — лишь частный случай общения. Гораздо существеннее в чеховском контексте та информация, которая формируется непосредственно в коммуникативном акте говорения: «...я продолжал, стараясь уловить свою главную мысль» («Дом с мезонином»). Прочитанные слова принадлежат персонажу-рассказчику, но они открывают, мне кажется, существенный аспект коммуникативной стратегии и самого писателя. Чеховское художественное письмо не доносит до читателя готовую, сложившуюся у автора (или позаимствованную им), мысль о жизни, а только целеустремленно ищет ее, стремится «уловить», вовлекая в солидарный поиск и читателя. В этом и состоит, по-видимому, принципиальная новизна рассказов Чехова, замеченная Толстым.

Современная Чехову критика не обладала и не могла еще обладать инструментарием для вполне адекватного прочтения его текстов. Тогда как в наше время теория коммуникации эксплицирует художественные открытия Чехова и одновременно сама обогащается ими.

---

* Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 135.